

У 41942

ЛСМ /

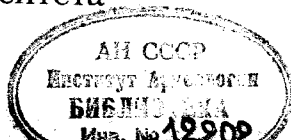
СМОЛЕНСК И ГНЁЗДОВО

(к истории
древнерусского
города)

Под редакцией Д. А. Авдусина

Издательство
Московского университета
1991

Ю. Э. Жарнов

ЖЕНСКИЕ СКАНДИНАВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ГНЁЗДОВЕ

В итоге более чем векового изучения гнёздовских курганов общепризнанным стало заключение о присутствии норманнов в Гнёздове. Гнёздовский могильник по праву считается основным археологическим памятником при решении большинства вопросов, касающихся русско-скандинавских отношений в период становления раннефеодального государства Древняя Русь (конец IX — начало XI в.). Однако результаты предпринимавшихся до сих пор попыток определить удельный вес норманского этнического компонента Гнёздова, на наш взгляд, достаточно спорны. Это, а также необходимость обобщения постоянно пополняющегося материала побуждают нас вновь затронуть вопросы скандинавского присутствия в Гнёздове¹.

В современной литературе о Гнёздове сосуществуют два подхода к определению скандинавских погребальных комплексов. Д. А. Авдусин, придерживаясь традиционной точки зрения, считает возможным выделять погребения норманнов по ряду признаков (скандинавские женские украшения, железные гривны с «молоточками Тора», обряд порчи оружия, сожжение в ладье) (1; 2, с. 150). Таких погребений, по его мнению, около 60, «а это в общем все же немного по сравнению с 1000 раскопанных курганов» (3, с. 77). Д. А. Авдусин полагает, что «гнёздовские варяги в большинстве случаев представляли собой второе поколение скандинавов» (там же; с. 78).

В. А. Булкин, подчеркивая этническую неоднородность древнерусского Гнёздова, считает, однако, что традиционные методы характеристики этнического облика могильника работают лишь при изучении «первых поселенцев в данном месте — выходцев из разных этнических или племенных районов. Но ответить на вопрос, каким закономерностям подчинено формирование этнических черт и, следовательно, погребального обряда последующих поколений каждой данной этнической группы в условиях их совместной жизни, сейчас, пожалуй, невозможно» (4, с. 46). Вместе с тем «общий итог этнического процесса в Гнёздове» для В. А. Булкина, поддержавшего мнение Е. А. Шмидта, ясен: здесь сформировалось «местное древнерусское население» — «гнёздовская группа кривичей» (5, с. 108; 4, с. 46). Присутствие же в Гнёздове скандинавов — «специфический оттенок, исчезнувший к моменту появления древнерусской курганной культуры XI в. и вряд ли затронувший серьезным образом существо процесса» (4, с. 46).

Представляется, что основной причиной, снижающей значение двух вышеупомянутых построений и позволяющей усомниться в их обоснованности, является неполноценность выборки погребальных комплексов.

¹ Приношу благодарность Д. А. Авдусину, Е. В. Каменецкой и Т. А. Пушкиной за предоставленную возможность пользоваться неопубликованными материалами раскопок гнёздовских курганов.

сов, используемой Д. А. Авдусиным и В. А. Булкиным. Д. А. Авдусиным вопрос о выборке достоверных комплексов не был поставлен. Для исследований В. А. Булкина, вынужденного использовать только опубликованный материал, характерно не критичное отношение к результатам раскопок 1949 — начала 1960-х годов и множество фактических неточностей и искажений, допущенных им при анализе данных дореволюционных раскопок. Методика раскопок гнёздовских курганов у большинства дореволюционных исследователей была несовершенна, дневниковые записи, в ряде случаев вообще отсутствующие, чрезвычайно лаконичны, а сохранившийся вещевой инвентарь подчас депортирован². Для решения задач данной работы и возможно более объективной оценки погребального обряда гнёздовских курганов необходимо отказаться от фрагментарных материалов раскопок многих археологов, работавших в Гнёздове до 1949 г.³ Однако не следует отрицать возможности, а в ряде случаев и необходимости использования этих материалов при решении тех или иных вопросов (вещеведческий анализ, характеристика некоторых особенностей погребального ритуала и т. д.).

В качестве критерия формирования наиболее достоверной выборки погребальных комплексов нужно использовать, по нашему мнению, следующее условие: исследование курганной насыпи на снос или возможность локализации каждого раскопанного кургана на топографическом плане гнёздовского некрополя. Этому условию отвечают, помимо курганов, исследованных Смоленской экспедицией под руководством Д. А. Авдусина в 1949—1988 гг., курганы из раскопок С. И. Сергеева (7, 8, 9, 10), Н. В. Андреева и Н. П. Милонова (11), отдельные курганы из раскопок В. И. Сизова (12, с. 94—96; 13, с. 8—11), И. С. Абрамова (14, с. 189—192, 204—206; 15) и Е. Н. Клетновой (39, с. 54—56). Таким образом, по-видимому, удастся избежать неоднократного использования погребальных комплексов, раскопанных дважды (до и после 1949 г.), при статистическом анализе.

Наиболее достоверную выборку погребений, раскопанных в Гнёздове на протяжении более 100 лет, составляют, по нашему мнению, (см. Приложение и табл. 1) 230 погребений по обряду трупосожжения

² История изучения гнёздовских курганов отражена в работах А. Н. Лявданского (6, с. 128—135), В. А. Булкина (4, с. 27—29), Д. А. Авдусина и Т. А. Пушкиной (3).

³ Перечень курганов, не вошедших в нашу выборку и содержавших скандинавские вещи, приведен в работе Д. А. Авдусина (1). Здесь следует его несколько расширить: овалы фибулы найдены в курганах № 65 (2 экз.) и 89 (1 экз.) из раскопок В. И. Сизова (1896 г.), иглы от овальных фибул — в курганах № 43 и 72 из раскопок В. Д. Соколова (1883 г.), № 3 и 14 — из раскопок В. И. Сизова (1898 г.); обломки овальной фибулы (?) обнаружены М. Ф. Кусинским в кургане № 16 (1874 г.); фрагменты кольцевидной и равноплечей фибул (курган № 22, 1885 г.) и железная гривна (курган № 35, 1896 г.) известны из раскопок В. И. Сизова. В одном из курганов, исследованных В. И. Сизовым (1901 г.), отмечен обряд «порчи» оружия (13, с. 79). В фондах ГИМа также хранятся вещи (целые и в обломках) скандинавского происхождения (овальные, круглые, кольцевидные и равноплечая фибулы, железная гривна) из гнёздовских курганов, которые трудно увязать с конкретным погребением: опись 241 № 132, 136, 186, 232, 299, 354, 356, 449—451, 533, 535, 536; опись 1798 № 8, 14, 15, 47, 48, 72, 89; опись 1043 № 49, 53, 54, 58, 59; опись 1802 № 75.

Количественное описание исследуемой выборки курганов
(погребальных комплексов гнёздовского некрополя)

Курганная группа	Исследователь	ТС	ПТС	ТП	ПТП	ТПР	П	О
Центральная	В. И. Сизов	—	1	—	—	—	—	—
	С. И. Сергеев	34	7	1	9	1	11	30
	Н. В. Андреев Н. П. Милонов Д. А. Авдусин	2 57	— 89	1 44	— 1	— 38	— 80	3 25
	всего	93	97	46	10	39	91	58
Лесная	С. И. Сергеев	1	—	1	—	—	—	—
	Д. А. Авдусин	74	18	16	—	25	3	30
	всего	75	18	17	—	25	3	30
Ольшанская и Днепровская	С. И. Сергеев	11	1	—	—	—	—	4
	И. С. Абрамов	1	1	—	—	—	—	—
	Д. А. Авдусин	9	24*	17	—	3	8	10
	всего	21	26	17	—	3	8	14
Заольшанская	Е. Н. Клетнова	—	4	—	—	—	—	—
	Е. В. Каменецкая	40	2	36	—	1	3	7
	всего	40	6	36	—	1	3	7
Левый берег Днепра	Т. А. Пушкина	—	1	—	—	—	—	—
«1-я Днепровская»	Д. А. Авдусин	1	—	—	—	—	—	2
		230	148	116	10	68	105	111
		Всего 788						

* — без учета Оль-1(Абр.24).

ТС — комплексы с остатками трупосожжения.

ПТС — поврежденные комплексы с остатками трупосожжения.

ТП — комплексы с остатками трупоположения.

ПТП — поврежденные комплексы с остатками трупоположения.

ТПР — курганы с возможными трупоположениями.

П — поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы.

О — «пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы).

{206 комплексов с остатками сожжения на месте возведения насыпи) и 116 погребальных комплексов с остатками труположения; определенная информация может быть получена и при анализе поврежденных курганов (148 комплексов с остатками трупосожжения и 10 с остатками труположения).

* * *

Критерии, традиционно используемые при выделении скандинавских погребений, неравнозначны, принимая во внимание различный характер их взаимосвязи с конкретными половозрастными группами погребенных. Такие этнические индикаторы, как сожжение в ладье и железная гривна с «молоточками Тора», имеют скорее нейтральный характер, тогда как обряд порчи («втыкания») оружия символизирует прежде всего определенное отношение к владельцу оружия (мужчине), а овальные фибулы являются специфической деталью скандинавского женского костюма (16; 17, с. 120—121). Нужно также учитывать, что и погребения с железными гривнами или с испорченным оружием, и сожжение в ладье по сравнению с комплексами, имеющими скандинавские женские украшения, относительно малочисленны не только в Восточной Европе, и в частности в Гнёздове, но и в Скандинавии, а скандинавский мужской костюм в целом этнически невыразителен (18; 19, с. 67—70) ⁴.

Таким образом, для оценки удельного веса скандинавских погребений Гнёздова следует рассмотреть прежде всего наличие тех или иных этноопределяющих признаков ⁵ в комплексах, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных.

В 156 гнёздовских погребениях с остатками трупосожжения на месте ⁶ удалось определить достаточно однозначно половозрастную группу (или группы) погребенного. 80 поврежденных трупосожжений также возможно дифференцировать по половозрастной принадлежности кремированных (табл. 2). Мужские и женские одиночные погребения, а также парные погребения (мужчин и женщин) были выделены по характеру сопутствующего инвентаря ⁷, погребения детей и взрослых с детьми — по определению кальцинированных костей, сделанному Е. Г. Андреевой ⁸.

⁴ Тем не менее скандинавские мужские фибулы (кольцевидные, дугообразные), найденные в пределах собственно славянских земель Древнерусского государства, являются показателем скорее варяжского погребения, чем местного.

⁵ В данной работе наряду с традиционными индикаторами скандинавских погребений используется такой признак, как «плоская» форма насыпи кургана. К плоским курганам отнесены насыпи, количественные показатели которых отвечают следующему условию: при диаметре основания насыпи не менее 15 м соотношение высоты насыпи и диаметра основания составляет не более 0,1—0,11, а соотношение высоты и диаметра верхней площадки — не более 0,15—0,2 м.

⁶ Материал погребений с остатками трупосожжения на стороне ввиду заведомо искаженного характера этих комплексов в данной работе не рассматривается.

⁷ К мужскому инвентарю отнесены элементы поясного набора, оружие, кресала, кольцевидные и дугообразные фибулы, остатки кафтана (не менее 4—5 пуговиц), предметы для игры; к женскому — украшения, женские фибулы, игольники, пружинные ножицы.

⁸ Биологически был определен остеологический материал лишь из раскопок 1970—1979 гг.

Таблица 2

Наличие скандинавских этноопределяющих признаков в погребениях с остатками трупосождения, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных

Половозрастная принадлежность	М	Ж	М + Ж	Р	В + Р	В	?
Погребения с остатками трупосождения на месте (206 комплексов) СК (53 комплекса)	53+6?	31+9?	19+5?	15	11	7	50
	5	16	18	3	8	1	2
Поврежденные курганы с остатками кремации (148 комплексов) СК (23 комплекса)	12+13?	26+3?	5+3?	8	1	9	68
	2	15	4	1	1	—	—
Всего (354) СК (76)	65+19?	57+12?	24+8?	23	12	16	118
	7	31	22	4	9	1	2

М — погребение мужчины.

Ж — погребение женщины.

В — погребение взрослого человека.

Р — погребение ребенка.

? — погребение с неизвестной половозрастной принадлежностью погребенного.

СК — погребения со скандинавскими этноопределяющими признаками.

В 15 из 40 (31+9?) одиночных женских погребений были найдены элементы скандинавского женского костюма и предметы скандинавского языческого культа: обломки побывавших в огне овальных фибул (Дн-32, Серг.-33(44), Ц-4, 27, Л-4, 100, Серг.-35(46), 33(89))⁹, овальные фибулы в сочетании с другими (круглыми, трилистными) фибулами (Серг.-42(53), Л-23, 26/1)¹⁰, овальные фибулы и железные гривны (Серг.-7(65), Ц-169, ПОль-47)¹¹. 4 кургана отнесены к разряду плоских: Серг.-7(65), Л-4, 23, 38. В курганах Серг.-7(65) и Л-23 обнаружены также скандинавские амулеты (кресаловидная и щитообразная подвески), в ПОль-47 — подвеска со скандинавским зооморфным орнаментом. В погребении Серг.-35(46) найдена подвеска в виде четырех переплетенных «кресал». Железная гривна зафиксирована в кургане ПОль-65, где также было погребение женщины.

⁹ В кургане Ц-27 — овальная фибула типа 51 ЯП (по классификации Яна Петерсена, далее — ЯП), в Л-4 и Серг.-33 (89) — 52 ЯП, в остальных курганах тип овальных фибул неопределим; в кургане Ц-4 найдены также 2 маленькие бронзовые подковообразные фибулы. Маленькие подковообразные фибулы диаметром 1—2 см использовались для скрепления ворота рубашки.

¹⁰ В кургане Серг.-42(53) — 90 ЯП, тип овальной фибулы неопределим; в кургане Л-23 — 51 ЯП и 119 ЯП, в Л-26/1 — 55 ЯП и оплавленная круглая или трилистная фибула.

¹¹ В кургане Серг.-7(65) — 51 ЯП, в остальных — тип неопределим.

15 из 29 (26+3?) поврежденных курганов с остатками кремации женщин имели скандинавские женские застёжки и культовые вещи: обломки овальных фибул (Л-50, Дн-18, 45, Ц-28, 173, 206, Серг.-23(34))¹², овальные фибулы в сочетании с другими фибулами (Ц-87, 181, 252, Дн-6)¹³. В кургане Ц-5 найдены обломки железной гривны, фрагменты двухскорлупной овальной, равноплечей и круглой (?) фибул, в погребении Ц-312/II — игла от круглой (?) фибулы и маленькая подковообразная фибула. Маленькие подковообразные фибулы зафиксированы также в курганах Дн-6, Дн-39¹⁴, Дн-45. В кургане Ц-218 найдена железная гривна и кресаловидная подвеска, в погребении Ц-261 — железная гривна вместе с круглой фибулой (117 ЯП).

18 из 24 (19+5?) комплексов с парными погребениями (мужчин и женщин) имели те или иные скандинавские этноопределяющие черты погребального обряда: сожжение в ладье (Серг.-16(74), Л-47, Оль-1/24; возможное сожжение в ладье — Л-13)¹⁵, обряды с оружием (Ц-2/1, Л-13, 35, Серг.-18(86), плоские насыпи (Серг.-16(74), Л-33, Ц-1), железные гривны (Л-13, 47, 73, 33, Серг.-18(86) (2 экз.)), овальные фибулы (Серг.-15(26), Ц-2/1, 2/II, 287, Л-13, 47, 73, Оль-1/24, Серг.-18(86), 44(90), 41(52), 16(74))¹⁶, равноплечие фибулы (Ц-2/1, Л-35, Серг.-17(85))¹⁷, круглые и трилистные фибулы (Серг.-41(52), 16(74))¹⁸, скандинавские амулеты (Серг.-37(48), 16(74)). Кольцевидная фибула (237 ЯП) найдена в кургане Серг.-37(48), две иглы от круглой или трилистной фибул — в погребении Ц-279.

В кургане Лб-1, содержащем остатки парного погребения, поврежденного строительными работами, зафиксирован обряд порчи оружия, найдены обломки железной гривны, не менее 3 овальных фибул (37, 51, 52 ЯП), равноплечая фибула, игла от круглой или трилистной фибулы. В парном погребении 1885-20 также отмечен обряд порчи оружия и обнаружены обломки железной гривны. Еще в одном из поврежденных курганов с остатками сожжения мужчины и женщины (Дн-14) найдены обломки овальной фибулы (52 ЯП).

В 8 из 11 погребений, где по определению кальцинированных костей зафиксированы останки взрослого человека и ребенка, найдены скандинавские фибулы и железные гривны (Ц-99, 208, 245, ПОль-8, 12,

¹² В курганах Ц-28, Ц-173, Серг.-23(34) — 52 ЯП, в остальных — тип неопределим.

¹³ В кургане Ц-87 — 128 ЯП, тип овальной фибулы неопределим; в Ц-181 — 70—73 ЯП(?), игла овальной фибулы; в Ц-252 — игла овальной фибулы, равноплечая фибула; в кургане Дн-6 — обломки овальной фибулы, игла от круглой (?) фибулы.

¹⁴ В этом кургане обнаружена также подвеска со скандинавским зооморфным орнаментом.

¹⁵ По мнению А.-С. Грэслунд, к достоверным погребениям в ладье можно отнести курганы с количеством заклепок не менее 100, к возможным — курганы с 50—100 заклепками (20, с. 56—58).

¹⁶ Фибулы 52 ЯП обнаружены в погребениях Серг.-41(52), 44(90) (не менее 3 экз.), Ц-2/II, Ц-287; в кургане Серг.-18(86) найдено не менее 2 фибул, одна из которых — 55 ЯП; в остальных комплексах тип фибул неопределим.

¹⁷ В курганах Л-35 и Серг.-17(85) — 65 ЯП, в погребении Ц-2/1 — 70—73 ЯП.

¹⁸ В кургане Серг.-16(74) — 128 ЯП, две 90 ЯП(?); в Серг.-41(52) найдены также подвески со скандинавским зооморфным орнаментом.

16, Ц-113, 117)¹⁹. Связка скандинавских амулетов обнаружена в поврежденном кургане с погребением взрослого и ребенка (Ц-170).

В одном погребении ребенка (по определению костей) была найдена железная гривна (Ц-105), еще в одном — кольцевидная фибула (237 ЯП, Ц-148). В кургане ПОль-25 остатки кремации ребенка, видимо мальчика, были зафиксированы над могильной ямой, содержащей погребение женщины с двумя овальными фибулами (51 ЯП). В одном из поврежденных курганов, содержащих кальцинированные кости «незрелого» человека, обнаружены обломки овальной фибулы (52 ЯП, Ц-175).

Из 59 (53+6?) выделенных погребений мужчин в трех курганах найдены кольцевидные фибулы (Ц-8—227 ЯП, в Л-113/1 и Л-49—237 ЯП), в кургане Серг.-5(55) — обряд порчи оружия. Еще один погребальный комплекс зафиксирован под насыпью «плоской» формы (Л-22). В поврежденном кургане Ц-20 обнаружена кольцевидная фибула (237 ЯП), в погребении Ц-265 — дугообразная фибула.

В кургане ПОль-21, в котором по определению кальцинированных костей погребен взрослый человек, найдена железная гривна.

Две железные гривны (Серг.-14(58)) и уникальный для Гнёздова лепной сосуд с загнутым внутрь венчиком, имеющий прямые аналогии в скандинавском материале (Л-77), зафиксированы в курганах, которые затруднительно отнести к той или иной группе комплексов, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных.

Обобщенные данные о погребальных комплексах, имеющих скандинавские этноопределяющие черты и дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных, представлены в табл. 2.

Показательно, что для захоронений по обряду трупосожжения характерно крайне незначительное число мужских погребений, отнесенных к скандинавским, и очень весомая доля норманских комплексов, выделенных в основном по деталям женского племенного костюма (одиночные женские погребения, погребения мужчин и женщин, большая часть погребений взрослого и ребенка). Таким образом, попытки выделения и оценки удельного веса скандинавского этнического элемента суммарно, без учета конкретной половозрастной характеристики погребального комплекса, заведомо ошибочны из-за фактически полного отсутствия критериев для вычленения погребений скандинавов-мужчин. Поэтому мы полагаем, что правомерен вариант количественного анализа скандинавских погребальных комплексов Гнёздова на основе лишь женских погребений. Однако в этом случае необходимо коснуться вопроса, поставленного В. А. Булкиным для Гнёздова и И. В. Дубовым для Тимерёва, об обоснованности идентификации погребений с овальными и иными фибулами скандинавского происхождения с погребениями женщин.

¹⁹ В кургане Ц-208 и Ц-245 — иглы от круглых (?) фибул, овальные фибулы (Ц-208 — тип неопределим, две 52 ЯП в кургане Ц-245); в кургане Ц-245 найдена также связка скандинавских амулетов. В курганах ПОль-12 и ПОль-16 — круглые фибулы (тип неизвестен, фибулы утрачены), в Ц-117 — кольцевидная фибула (237 ЯП), в Ц-99 — дугообразная фибула. Железные гривны обнаружены в курганах Ц-99, Ц-113, ПОль-8.

скандинавов. Прежде чем привести аргументы в пользу такой возможности, рассмотрим материал гнёздовских ингумаций, позволяющий более детально реконструировать разноэтничный погребальный костюм.

* * *

Из 126 гнёздовских ингумаций, исследованных к 1989 г., 29 следует отнести к так называемым камерным погребениям (комплекс X-1898, комплекс 14/VII-1899, Ц-66, 84, 86, 88, 157, 171, 191, 198, 212, 241/II, 249, 255, 290, 301, 306, Л-129, Оль-30, Дн-4, 13, 31, 40, Поль-11, 25/II, 50, 61, 62, 76). Впервые погребения данного типа в Гнёздове предположил С. И. Сергеев, однако А. А. Спицын при публикации материалов его раскопок опустил достаточно ясное авторское описание погребения в подкурганной могильной яме (комплекс 14/VII-1899), включив чрезвычайно богатый и разнообразный инвентарь этого комплекса, а также вещевой материал ряда других погребений (поврежденных труположений, см. Приложение) в перечень находок из так называемого «кургана № 97» (7, с. 53—54)²⁰. Смоленская экспедиция под руководством Д. А. Авдусина столкнулась с камерными погребениями в 1950 г., но окончательную интерпретацию этот вид погребений получил несколько позже (22, 23).

А.-С. Грэслунд предложила несколько критериев для выделения камерных ингумаций. Основное различие между могилами с гробами и погребальными камерами исследовательница видит в возможности транспортировать гробы, в то время как камеры сооружались на месте погребения (20, с. 7). Важнейшими количественными показателями камерных погребений являются, по наблюдениям А.-С. Грэслунд, ширина могильной ямы²¹, а также соотношение ширины и длины²² (там же, с. 7—9, 12). Немаловажное значение при атрибуции камерных погребений имеют такие признаки, как уступы для лошади и разнообразный и «громоздкий» инвентарь (оружие, ведра, сундуки) (там же, с. 7, 12).

Д. А. Авдусин и Т. А. Пушкина указывают на обрядовые и конструктивные особенности камерных захоронений: остатки деревянной конструкции; размеры камер, которые «обычно значительно больше» размеров «обычных ингумаций»: «225×275 см, 320×150 см и т. д.»; различные позы погребенных: «вытянутые, скорченные на спине или на боку и сидячие»; сопровождение иногда человеческих погребений погребением коня; оружие в погребениях мужчин, «размещенное у костяка, или воткнутое в стенку» (23, с. 192).

Упомянутые 29 камерных погребений Гнёздова отнесены нами к данному виду труположений в могильных ямах на основании следующих критериев: 1) все комплексы с остатками труположения, ширина

²⁰ Впервые комплекс 14/VII-1899 как камерное погребение был рассмотрен В. А. Булкиным (21).

²¹ Обычно больше 120 см и не меньше 90 см; все ямы с шириной больше 135 см отнесены А.-С. Грэслунд к камерным погребениям.

²² Наиболее часто встречающееся соотношение — 0,6—0,7.

дна ямы которых составляет не менее 140—150 см, а соотношение ширины и длины дна ямы — от 0,6 до 1, являются погребениями камерного типа; 2) погребения, параметры ям которых отвечают следующему условию: ширина дна ямы — не менее 110—125 см, отношение ширины к длине — более 0,4, могут быть отнесены к камерным лишь при наличии таких дополнительных факторов, как сидячее положение погребенного или сохранившиеся остатки погребальных конструкций, сопоставимых по своим размерам с достоверными камерными погребальными сооружениями²³.

В 9 гнездовских камерах были погребены мужчины (Ц-86, 88, 157, 249, Дн-40, Л-129, ПОль-11, 61, комплекс X-1898), еще в 3 случаях (Ц-191, 255, Дн-4) — погребения мужчин с лошадьми.

К одиночным погребениям женщин отнесены 12 камер (Ц-84, 171, 198, 212, 241/II, 290, 301, 306, Дн-31, ПОль-25/II, 50, 76).

В одной камере (комплекс 14/VII-1899) зафиксировано погребение мужчины и женщины, сопровождавшееся погребением коня. В камере кургана Оль-30 были похоронены, по-видимому, 4 человека: 2(?) женщины и 2(?) мужчин, а также 2 лошади. В кургане ПОль-62 обнаружено погребение 2 мужчин.

В двух случаях половозрастную принадлежность погребенных установить не удалось: в кургане Дн-13 на дне камеры находилась лишь деревянная чаша с серебряными оковками по венчику, инвентарь камеры Ц-66 также оказался маловыразительным: обломок дирхема, гирька.

В 5 камерах (Ц-198, 212, 241/II, 306, 301(?)) погребенные женщины, судя по расположению останков и инвентаря, были похоронены в сидячем положении. Последнее, будучи отличительной чертой камер Бирки (20, с. 37—38), позволяет, учитывая и характер инвентаря, с уверенностью отнести эти погребения к скандинавским. Интересно, что скандинавки в этих камерах были похоронены в разной одежде. В кургане Ц-198 на женщине была рубашка (ворот застегнут маленькой подковообразной фибулой), поверх которой — юбка на двух бретелях, скрепленных овальными фибулами (51 ЯП). Между овальными располагалась также маленькая круглая фибула (вероятно, скрепляла шаль или верхнюю тунику (19, с. 63)). Две овальные фибулы (51 ЯП) найдены также в кургане Ц-306, под фибулами сохранились фрагменты шелковой ткани и обрывки бретелей юбки (23, с. 196). Женщина, погребенная в камере кургана Ц-212, по-видимому, была одета в рубашку, а на плечи накинута шаль, скрепленная на груди равноплечей фибулой. Аналогичный комплект одежды зафиксирован в камере Ц-301. Заметим также, что в этом погребении, в берестяной коробке, были найдены остатки шелкового платья типа туники, льняной гофрированной рубашки и юбки, среди которых обломки овальной фибулы (там же, с. 201). От погребальной одежды женщины, похороненной в камере Ц-241/II, никаких следов не сохранилось (на шее погребенной была обнаружена железная гривна с привесками). Не зафиксированы элементы женского

²³ Комплексы X-1898 и 14/VII-1899, учитывая обстоятельства их обнаружения, отнесены к камерам по характеру погребального инвентаря.

скандинавского костюма и в камере кургана Дн-31, где, возможно, женщина также была погребена в сидячем положении²⁴.

Две овальные фибулы (51 ЯП) найдены в камере Польш-25/II; женщина в этом погребении была похоронена в вытянутом положении на спине. В камере кургана Ц-290 маленькая подковообразная фибула обнаружена в верхней части грудной клетки, погребенной в вытянутом положении на спине женщины.

В камере кургана Ц-171 не было найдено предметов, связанных с женской одеждой. Это погребение интересно сочетанием гроба, сбитого 30 гвоздями и содержавшего останки женщины, и камеры столбовой конструкции, в которую гроб был помещен. А.-С. Грэслунд особо обращает внимание на отсутствие гробов в камерах Бирки, указывая на типичность данного обряда для Дании и Сев. Германии (20, с. 36, 38, 46, 47).

Не сохранилось следов одежды и в погребениях женщин в курганах Польш-50 и Польш-76; в камере кургана Ц-84 обнаружена бронзовая пуговица, однако ее точное расположение на дне ямы не было зафиксировано.

От погребальной одежды женщины из парного погребения, описанного С. И. Сергеевым (комплекс 14/VII-1899), сохранились 2 овальные фибулы (52 ЯП) и маленькая подковообразная фибула. Погребения женщин в кургане Оль-30 были выделены по двум парам серебряных проволочных, перстнеобразных, с завитком на одном конце височных колец, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга, среди сохранившихся волос разного цвета.

Погребения в обычных ямах также дают интересный материал для изучения погребальной женской одежды. Из 85 труположений²⁵ 16 отнесены к женским (Ц-61, 262, 276, 289, Л-121, 124/II, 137, 139, Дн-3, 17, Польш-5, 7, 27, 42, 52).

В 5 погребениях были обнаружены височные кольца (Ц-262, 276, 289, Л-137, Дн-17). В 3 курганах под нижней челюстью погребенной женщины найдены по одной бронзовой пуговице (Ц-61, Л-124/II, Дн-3), в верхней части грудной клетки женщины, похороненной в кургане Ц-289, обнаружены две пуговицы.

На женщине, останки которой зафиксированы в могильной яме под насыпью кургана Польш-5, была, вероятно, рубашка, скрепленная маленькой подковообразной фибулой. Обломки фибулы от ворота рубашки найдены и в кургане Польш-27. Бронзовая подковообразная фибула диаметром 2,5—3 см с концами, оформленными в виде головок дракона,

²⁴ На остатках тазовых костей найдены ножницы, ключ, бронзовый игольник и бронзовая полая подвеска-уточка с двумя бутылковидными привесками (тип XVIII вариант 1, по Е. А. Рябинину (24, с. 35—36)). Сверху на вещах был обнаружен небольшой фрагмент ткани.

²⁵ Еще 12 погребальных комплексов с остатками труположения по ряду обстоятельств затруднительно отнести к той или иной выделяемой нами группе гнездовских ингумаций. В двух из этих «поврежденных» комплексов зафиксированы остатки женского скандинавского костюма: комплекс 24/VIII-1899 — 2 овальные двухскорлупные фибулы (сохранились лишь нижние скорлупки), трилистная фибула (97 ЯП); комплекс 28/IV-1900 — 2 овальные фибулы (51 ЯП), круглая фибула (128 ЯП).

обнаружена в нижней части грудной клетки женщины, погребенной в кургане Ц-292 (на уровне пояса найдены также 3 бронзовые пуговицы).

Отметим, что для славянского костюма (как мужского, так и женского) характерны рубашки, ворот которых застегивался обычно на 1—2 пуговицы (25, с. 36, 43; 26, с. 43, 44), тогда как вариант скрепления ворота фибулой типичен для народов, в costume которых фибулы и булавки разных типов играют важнейшую роль (25, с. 161, 177, 180, 185, 194; 19, с. 60). Для Гнёздова это обстоятельство может означать, что маленькие подковообразные фибулы, найденные в погребениях, скорее скрепляли рубашки скандинавов, а пуговицами, как правило, пользовались славянские женщины.

Несколько вариантов погребального костюма мужчин реконструируется по материалам камерных погребений. Общей чертой большинства погребальных комплексов является наличие застежки от плаща — бронзовой или железной подковообразной фибулы с гранчатыми или спиральными концами (в одном случае — кольцевидная фибула 227 ЯП). Расположение фибул в погребениях достаточно разнообразно: на правом плече (ПОль-61, 62 — погребение 1), под нижней челюстью (ПОль-11), на груди (Л-129), у левого (Ц-157, 191, Дн-40) или правого бедра (Ц-249, Дн-4), у правого колена (ПОль-62 — погребение 2), на поясе (Ц-255, Оль-30 — погребение 2). Нет сведений о расположении фибулы из комплекса 14/VII-1899.

В 4 случаях (Ц-86, 191, 249, Дн-40) умерший был подпоясан, то есть на нем, видимо, была рубашка или поясной кафтан без застежек (18, с. 12—16). В камере Ц-255 пояс с сумкой был положен на грудь умершему, в кургане Л-129 — лежал рядом (?) с погребенным.

В 4 камерах на умерших был надет кафтан, застегивающийся спереди на пуговицы (Ц-157—12 пуговиц, Л-129—8 пуговиц, Дн-4—24 пуговицы, ПОль-62 — погребение 1—10 пуговиц). В кургане ПОль-11 остатки подобного кафтана (13 пуговиц) обнаружены между стенкой камеры и головой погребенного. В камере Дн-4 также у головы был положен еще один кафтан (8 пуговиц). В камере кургана ПОль-61 найдены остатки кафтана (?), застегивавшегося на 3 пуговицы.

На одном из мужчин, похороненных в камере ПОль-62 (погребение 2), по-видимому, была надета рубашка, ворот которой застегивался на одну пуговицу (аналогичное скрепление ворота рубашки зафиксировано и в камере Дн-40). Вероятно, в кургане Ц-86 также обнаружена рубашка: 2 пуговицы с остатками ткани, завернутой (?) в бересту, находились в ногах у погребенного.

Ни в одном из 19 погребений мужчин в обычных ямах (Ц-14, 94, 140, 197, 222, 240, 258, 288, Л-95, 105, 123, Дн-12, 30, 35, ПОль-4, 20, 31, 56, 64) кафтан с пуговицами не был найден. В 4 погребениях (Л-95, Дн-12, ПОль-56, 64) зафиксированы застежки плаща, в 5 комплексах — остатки пояса (Ц-94, 222, Л-95, Дн-35, ПОль-20), в 5 случаях — бронзовая пуговица (Ц-288, Л-95, Дн-30, 35, ПОль-31).

Вплоть до 1970-х годов в отечественной историографии преобладало мнение о славянском (северянском или полянском) характере камерных ингумаций (27, с. 69; 28, с. 16—17; 29, с. 56; 30, с. 112—114; 31; 32, с. 227—230; 17, с. 170—171). Советские исследователи, споря с вывода-

ми Т. Арне, рассмотревшего материал 3 шестовицких камер (33), отрицали не только норманскую принадлежность, но и скандинавские истоки этого типа погребений. В настоящее время норманский характер камер шестовицкого могильника, представляющих, за исключением Гнёздова, наиболее достоверный источник изучения данной разновидности обряда труположения на древнерусской территории, обоснован не только археологически (34), но и нашел подтверждение в антропологическом материале (35, с. 81).

Результаты исследования гнёздовских камер в целом не противоречат выводам, сделанным на шестовицком материале, хотя сам факт погребения в камере, видимо, не может считаться жестким этноопределяющим показателем. В большинстве женских гнёздовских камерных погребений (9 из 12) имелись предметы, связанные со скандинавским женским костюмом, и специфические черты обряда погребения (в сидячем положении; в гробу), характеризующие этнический облик погребенных достаточно однозначно. Мужские камеры Гнёздова, как и мужские скандинавские погребения вообще, уступают по этнической выразительности женским. Важными чертами, позволяющими, помимо самой идеи погребения в камере, отнести некоторые мужские комплексы к скандинавским, являются: сидячая поза погребенных (Ц-249, 191, Л-129, Ц-157(?)), ритуал порчи оружия (намеренно сломанный скрамасак — ПОль-11). Достаточно выразительный североευропейский оттенок придают погребениям кольцевидная фибула (ПОль-62), набор стеклянных шашек (13 экз.) и деревянная игральная доска (Оль-30). По-видимому, к возможным признакам мужских скандинавских погребений следует отнести и такой вид парадной одежды, как кафтан с большим числом пуговиц-застежек²⁶. Интересно, что в 5 из 6 парных трупосожжений с остатками кафтана (Серг.-17(85), Л-73, Ц-287, Лб-1, Дн-14) зафиксированы скандинавские этноопределяющие признаки. В 7 комплексах с одиночными погребениями мужчин²⁷ по обряду кремации найдено от 4 до 10 пуговиц (Серг.-5(55), ПОль-25/1, Л-17, 22, 69, 103, Ц-106), из них 2 комплекса (ПОль-25/1 и Серг.-5(55)) ранее были отнесены нами к скандинавским. Добавим также, что знатный «рус» (предводитель скандинавских купцов), погребение которого так детально описано Ибн-Фадланом, был кремирован «в парчовом кафтане с пуговицами из золота» (37, с. 144).

* * *

Итак, можно ли использовать овальные и другие фибулы северо-европейского происхождения в качестве индикаторов скандинавских погребений? Рассмотрим доводы авторов, отрицающих такую возможность.

В. А. Булкин представляет историю Гнёздова в виде плавной естественной эволюции полиэтнического населения в нечто однородное, име-

²⁶ Этот тип мужского костюма не является исконно скандинавским; как полагают (36, с. 60), кафтан был заимствован на Востоке. В Бирке «восточный кафтан» (по Х. Арбману) зафиксирован в 5 ингумациях (19, с. 68).

²⁷ Комплекс ПОль-25/1 — погребение мальчика.

нуемое «гнёздовской группой кривичей». Стержнем всей концепции автора является выдвинутое им положение о гнёздовском некрополе как важнейшем звене между культурой смоленских длинных курганов и древнерусской курганной культурой XI в. (4, с. 50). Факт, что скандинавские древности исчезают повсюду в Восточной Европе к началу XI в., понимается В. А. Булкиным как закономерный итог постепенной ассимиляции варяжского элемента. Относя финальную стадию существования гнёздовского некрополя к первой половине XI в. и связывая с этим периодом «единственный тип погребения — труположение под небольшой круглой полусферической насыпью» (там же, с. 38), он пытается обосновать естественный характер исчезновения типичных элементов скандинавской культуры существованием в истории «классического» Гнёздова полувекового периода без «специфического» (по В. А. Булкину) скандинавского оттенка. А идеи о «динамизме» процесса межэтнических взаимоотношений в Гнёздове и о том, что «наличие здесь тех или иных этнических группировок находят свое выражение в погребальном обряде только как тенденция» (там же, с. 46), служат теоретическим обоснованием нескандинавского характера погребений второй половины X — начала XI в., имеющих овальные фибулы, железные гривны с «молоточками Тора» или содержащих остатки сожжения в ладье. Процесс «размывания» скандинавского элемента наиболее показателен, по В. А. Булкину, на примере эволюции погребального обряда так называемых «больших курганов». «Бесспорно, что такие черты обряда больших курганов, как, например, сожжение в ладье, восходят к погребениям норманнов, поселившихся здесь среди местного населения во второй половине IX — начале X в. Однако как бы ни были те же черты «очевидными» в больших курганах, ни один из них нельзя признать норманским... Во второй половине X в. обряд сожжения в ладье становится привилегией высшего слоя гнёздовского коллектива. Следовательно, этот признак теряет свою былую этническую нагрузку и приобретает совершенно новую — социальную. А это делает неразличимыми индивидуальные этнические черты погребенного в кургане» (38, с. 144). Таким образом, факт, что в «нескандинавских» «больших курганах» найдены женские скандинавские украшения и предметы скандинавского языческого культа, дискредитирует, по мысли В. А. Булкина, саму возможность использования овальных фибул и железных гривен в качестве этноопределяющих признаков.

Анализ погребальных комплексов, отнесенных исследователем к разряду «больших курганов», позволил убедиться в искусственности этого объединения²⁸. Ошибочна и точка зрения В. А. Булкина о позднем характере гнёздовских труположений, об ингумациях как результате развития местного погребального обряда²⁹. С одной стороны, курганы с остатками труположений соседствуют с курганами, содержащими остатки кремации, не обособляясь от них и не располагаясь на окраинах некрополя, как считает В. А. Булкин, с другой стороны, те

²⁸ Ограниченные рамки данной работы не позволяют остановиться на подробной аргументации нашего вывода.

²⁹ Хотя В. А. Булкин опирался на материалы не более 10 гнёздовских труположений, опубликованных к 1973 г., это не оправдывает неточность его выводов.

ингуляции, которые поддаются определению, датируются второй половиной X — рубежом X и XI вв. (3, с. 72). А так как максимум скандинавских древностей приходится не на конец IX — первую половину X в., как хотелось бы видеть В. А. Булкину, а на середину — вторую половину X в. (там же, с. 77), то не приходится говорить об этническом единстве населения в финальный период существования «классического» Гнёздова. Таким образом, нельзя признать обоснованной мысль В. А. Булкина о невозможности использования традиционных индикаторов скандинавских погребений из-за ассимиляции варягов в Гнёздове, так как не доказан сам факт этой ассимиляции.

Подобную позицию по отношению к скандинавским древностям занимает И. В. Дубов. Исследователь, довольно непринужденно обращающийся с выделенными им индикаторами «славянских» и «мерянских» погребений (4, с. 118, 121, 122), в то же время при изучении комплексов со скандинавскими женскими украшениями противоречит самому себе, отрицая этноопределяющие возможности этих украшений: «Такой подход к этническому определению представляется неверным, так как не учитывается, во-первых, динамика развития, а во-вторых, активный процесс смещения населения, жившего на одном селище, хоронившего на одном кладбище, который отражается в размытии и переплетении различных этнических черт» (40, с. 55). Однако И. В. Дубовым в данном вопросе руководит не стремление к объективности, а, скорее, желание не прослыть норманистом, так как, «имея большое количество скандинавских женских погребений, надо, видимо, говорить об организованном массовом переселении» (там же, с. 56).

Женские скандинавские фибулы (в первую очередь овальные) являются надежным индикатором норманского присутствия в славянской среде вообще и в Гнёздове в частности. Принципиальное различие в покрое славянской и скандинавской женской одежды (41, с. 93) и особая этносоциальная роль костюма, который был «не только знаком интеграции группы, этноса, культуры, но и средством противопоставления своей общности чужой» (42, с. 176), не позволяют рассматривать женские скандинавские украшения в качестве предметов международной торговли. В отличие от прибалтийско-финских племен, у которых женский костюм в общем аналогичен скандинавскому (41, с. 93; 18, с. 31—40) и на территории которых встречены не только образцы работы североевропейских ювелиров, но и местные подражания «классическим» овальным фибулам, а также местная переработка орнаментальных мотивов (18, с. 33; 43, с. 103—104), в славянских землях скандинавские фибулы не имеют местных аналогов и исчезают одновременно с другими древностями скандинавской культуры, не оставив подражаний. По всей видимости, славянские женщины не испытывали нужды в одежных застежках ни до «знакомства» с норманнами, ни в XI в.

Спорным представляется мнение А. Стальсберг, считающей, что «славянские женщины могли использовать одну фибулу, поэтому в славянском окружении можно признать скандинавкой женщину, погребенную с парой фибул» (44, с. 75). Такой подход кажется излишне осторожным, абстрактным. Закрепление в качестве атрибута скандинавского захоронения именно двух фибул противоречит реальным усло-

виям формирования погребальных комплексов с остатками кремаций, из которых происходит абсолютное большинство овальных фибул, найденных на территории Древней Руси (45). Действие огня неизбежно и непредсказуемо изменяет и состав, и внешний вид инвентаря погребения, поэтому предлагаемый А. Стальсберг количественный критерий для комплексов с остатками кремации нельзя признать удачным. В Гнёздове из 43 трупосожжений (включая и поврежденные комплексы) с овальными фибулами, входящих в нашу выборку погребений, лишь в 5 случаях (Серг.-16(74), Ц-245, Серг.-18(86), Лб-1, Серг.-23(34)) отмечено не менее двух фибул. В Бирке также значительную часть трупосожжений с овальными фибулами составляют комплексы с единичными экземплярами фибул³⁰.

Не подтверждает точку зрения А. Стальсберг и материал курганов с остатками труположений. Камерное погребение из кургана Ц-301, содержащее обломки одной фибулы, безусловно относится к скандинавским комплексам. Единичные фибулы встречены и в ингумациях Бирки (41, с. 93). Возможные варианты объяснения непарности овальных фибул в погребениях предлагает В. Гинтерс (18, с. 39—40). Кроме того, юбки на бретелях, скрепленные овальными фибулами, не являются единственным вариантом «погребальной» одежды скандинавов. Гнёздовские ингумации (Ц-301, 212, 241/II) дают иной тип женской одежды, однако отсутствие овальных фибул не делает эти комплексы «менее» скандинавскими³¹.

Таким образом, «технологический» характер фрагментарности погребального инвентаря трупосожжений, отсутствие жесткого стандарта в погребальной одежде скандинавских женщин и то обстоятельство, что для славянского женского «погребального» костюма фибулы, судя по гнёздовским материалам³², вообще не характерны, не позволяют согласиться с предлагаемыми А. Стальсберг количественными критериями этнической атрибуции погребальных комплексов, неоправданно сужающими число вероятных погребений скандинавов. Отметим в этой связи важность находок единичных равноплечих или круглых фибул, которые в славянской среде также могут служить индикаторами скандинавских погребений.

А. Стальсберг в качестве гипотетической модели указывает также на возможность погребения нескандинавов «с наборами скандинавских вещей»: «это могли быть жены или наложницы скандинавов из местной среды» (44, с. 78). Исследовательницу смущает значительная доля парных погребений со скандинавскими фибулами, а так как «трудно

³⁰ В Бирке из 26 трупосожжений с овальными фибулами в 16 случаях найдены обломки одной фибулы, в 6 погребениях — не менее одной, может быть, двух фибул, в 4 — не менее двух застёжек (46).

³¹ А.-С. Грэнлунд, указывая, что менее трети из 83 «женских» трупосожжений Бирки содержали фрагменты или целые овальные фибулы, тогда как другие типы (равноплечие и круглые фибулы) встречены чаще, также предполагает иной тип «погребальной» одежды: петли бретелей юбки, возможно, были связаны тесьмой, или же женщина была похоронена в рубашке, завернутая в шаль (20, с. 81—82).

³² Данная категория инвентаря в погребениях женщин фактически представлена только скандинавскими типами.

предположить, что оба супруга одновременно умерли мирной смертью», то «более вероятно, что вместе с погибшим мужчиной хоронили убитую наложницу» (44, с. 78). Непонятно, почему «убитая наложница» должна быть обязательно «местной». С таким же успехом она могла бы быть, к примеру, дочерью ирландского короля, которому купил Хаскульд у Гилли Гардского в «Саге о людях из Лаксдаля». Одежда наложницы не понравилась Хаскульду: «Немного истрачено на одежду, которую дал тебе Гилли Богач». Он «открыл сундук и вынул оттуда хорошую женскую одежду, и дал ей» (47, с. 271). По-видимому, покрой одежды рабыни зависел в немалой степени от этнической среды, в которой обитал ее хозяин. Поэтому, развивая мысль А. Стальсберг, можно с наименьшим основанием заподозрить «неместное» происхождение женщин, похороненных в традиционном скандинавском костюме, из парных погребений Бирки.

В Гнёздове (табл. 2, 3) погребения скандинавок составляют от 40% (курганы с ингумациями) до 50% (трупосожжения) от общего числа выделенных одиночных погребений женщин. В целом, учитывая, по-видимому, естественный характер соотношения различных половозрастных групп гнёздовского населения (то есть приблизительно равное количество мужчин и женщин), и считая, что выявленная тенденция разделения погребений женщин по этническому признаку адекватно отражает общую этническую ситуацию в Гнёздове, следует признать,

Таблица 3

Наличие скандинавских этноопределяющих признаков в погребениях с остатками труположения, дифференцированных по половозрастной принадлежности погребенных

Половозрастная принадлежность	М	Ж	М + Ж	М + М	Р	?
Камерные погребения (29) СК (21)	12 9	12 9	2 2	1 1	— —	2 —
Погребения в «обычных» ямах (85) СК (1+2?)	19 —	16 2?	— —	— —	14 1	36 —
«Поврежденные» комплексы (12) СК (2)	5 —	2 2	— —	— —	— —	5 —
Всего (126) СК (24+2?)	36 9	30 11+2?	2 2	1 1	14 1	43 —

М — погребение мужчины.

Ж — погребение женщины.

Р — погребение ребенка.

? — погребение с неизвестной половозрастной принадлежностью погребенного.

СК — погребения со скандинавскими этноопределяющими признаками.

что скандинавам принадлежит не менее четверти гнёздовских погребений³³.

Достаточно спорна возможность сопоставления удельного веса скандинавских погребений в ранний (конец IX — первая половина X в.)³⁴ и поздний (середина X — начало XI в.) периоды существования Гнёздова из-за крайне незначительного числа выделенных нами погребений раннего периода (Л-13, 38, 47, 5(?), 17(?), 52(?), 106(?), Ц-105(?)). Нужно также учитывать, что скандинавские древности являются наряду с керамикой основным датирующим фактором. Поэтому неудивительно, что не менее половины погребений, отнесенных к раннему периоду Гнёздова, принадлежат норманнам.

Вопросы социального статуса скандинавов, погребенных в гнёздовских курганах, в предшествующих работах в целом не рассматривались: как правило, основное внимание уделяется материалу из наиболее крупных насыпей, раскопанных В. И. Сизовым, С. И. Сергеевым, И. С. Абрамовым и Д. А. Авдусиным. Расходясь в определении этноса погребенных, исследователи солидарны в характеристике их социального положения: в данных курганах похоронена знать, социальная верхушка Гнёздова (13, с. 118, 119, 123; 48, с. 323; 4, с. 49; 49, с. 91—92). Не отрицая бесспорный характер указанного социального статуса погребенных в больших курганах, необходимо дополнить эту характеристику выводами относительно внутренней социальной стратификации гнёздовских норманнов. В качестве критерия выберем размеры насыпей курганов. А. Стальсберг, проведя аналогичный анализ, считает, что «скандинавы на Руси главным образом принадлежали к верхушке средних слоев общества» (44, с. 76). Анализ высот насыпей гнёздовских курганов (табл. 4) показывает, что четыре пятых всех скандинавских комплексов имели насыпь до 1,5 м, а около половины — до 1 м в высоту. Высота восьми насыпей не превышала полуметра, в пяти случаях (6 погребальных комплексов) была больше 2,5 м.

Если признать, что размеры курганной насыпи в целом верно отражают прижизненный социальный статус погребенного, то следует сделать вывод о сложном, достаточно неоднородном социальном составе скандинавов, погребенных в Гнёздове. Охарактеризовать конкретный социальный статус норманнов, погребенных в курганах высотой до 1,5 м, не представляется возможным. Однако ясно, что мужчины и женщины, над останками которых были насыпаны курганы выше 2,5 м, занимали наиболее заметное место в обществе. Отметим также, что нескандинавских погребений в курганах, высота которых была бы больше 2,5 м, в Гнёздове, по данным нашей выборки, нет. По-видимому,

³³ При условии, что среди погребений с неизвестной половозрастной принадлежностью погребенных нет скандинавских комплексов (то есть по одной трети от количества таких комплексов нужно прибавить к общему числу женских погребений и вновь определить долю скандинавских комплексов), доля скандинавских погребений в курганах с остатками трупосожжения составит 27,5% [$31 : (69 + 15 : 3 + 116 : 3) \times 100\%$], а в курганах с остатками трупосожжения — 25—29% [$(11 + 2) : (30 + 43 : 3) \cdot 100\%$].

³⁴ Наличие в Гнёздове хотя бы одного погребения IX в. никем не доказано (Ред.)

Таблица 4

Высота насыпей курганов, не имевших повреждений

Высота насыпи кургана, м	До 1	До 1,5	До 2	До 2,5	Свыше 2,5	Всего
Трупосожжения на месте Скандинавские комплексы	104 18	64 16	25 11	7 2	6 6	206 53
Трупоположения Скандинавские комплексы	96 15	11 5	4 1	1 1	— —	112 22
Всего	200	75	29	8	6	318
Скандинавские комплексы	33	21	12	3	6	75

скандинавов нельзя считать чужеродным элементом гнёздовского общества, они являлись его органичной частью, не занимая какой-либо одной социальной ячейки и не доминируя в ней (исключая «верхушку» общества).

Вопросы определения прижизненного общественного положения погребенных на Руси норманнов неразрывно связаны с проблемой социальной атрибуции камерных ингумаций, которые принято рассматривать в качестве специфического погребального обряда дружинников, как правило, скандинавского происхождения, «находящихся на службе у русских князей» (50, с. 31), как погребения представителей «высшей дружинной знати, вероятно, непосредственно связанной с Киевом» (51, с. 73). Излишне конкретная характеристика социального положения варягов, погребенных в камерах, вызывает, на наш взгляд, возражения. При интерпретации камерных могил Древней Руси обычно ссылаются на работы Г. С. Лебедева о камерах Бирки, которые он характеризует как погребения королевских дружинников (52; 53, с. 151—156). В одной из своих последних работ Г. С. Лебедев указывает, что «эта атрибуция сейчас не вызывает принципиальных возражений и у скандинавских исследователей могильника Бирки» (54, с. 81). Между тем А.-С. Грэслунд, к мнению которой апеллирует Г. С. Лебедев, возражает против такой «узкой» интерпретации (20, с. 79—82). Она полагает, что в камерах погребали людей очень высокого социального положения (предводители дружин и их родственники, купцы — скандинавы и нескандинавы — и их семьи) (там же, с. 86). Приведя аргументы, противоречащие связи камерных погребений Бирки именно с «королевскими дружинниками» (там же, с. 81), А.-С. Грэслунд указывает на то, что здесь погребальные камеры не имеют местных прототипов, и появление их, очевидно, связано с интернациональным характером Бирки и особенно с купеческим слоем (20, с. 86). Полагаем, что и атрибуция камерных могил Древней Руси и Гнёздова, в частности, не может быть ограничена лишь дружинной средой. Обряд погребения в камерах следует рассматривать как

один из вариантов обряда, характерного главным образом для преуспевающих варягов (воинов и купцов) и их семей³⁵.

Одна из центральных проблем гнёздовской скандинавистики — вопрос о судьбе норманнского элемента, обычно связываемой с ассимиляцией скандинавов славянами. Помимо аргументов В. А. Булкина, уже рассмотренных нами и признанных неубедительными, некоторые доказательства процесса ассимиляции норманнов в Гнёздове приводятся в работах Д. А. Авдусина и В. Я. Петрухина. Д. А. Авдусин полагает, что о гнёздовских варягах как в большинстве случаев о «втором поколении скандинавов» «говорят и особенности погребального обряда и вещи-«гибриды» (3, с. 78). В. Я. Петрухин, ссылаясь на мнение Д. А. Авдусина, также отмечает «ослабление собственно скандинавских черт» в обрядности гнёздовских норманнов, а «метисные формы отдельных предметов» служат отражением процесса ассимиляции варягов (42, с. 178, 179). Наличие в кострищах некоторых гнёздовских курганов отдельных заклепок, которые Д. А. Авдусин интерпретирует как «пережиток обряда погребения в ладье» (1, с. 83), а В. Я. Петрухин — как «деградацию типичного для эпохи викингов погребения в ладье» (49, с. 91), не может, по нашему мнению, служить серьезным аргументом ни для изобретения особого обряда — помещения в погребение нескольких заклепок в качестве символа ладьи (там же), ни для использования этих заклепок в качестве доказательства ассимиляции скандинавов. К примеру, в Бирке 285 кремаций содержали заклепки (от 1 до 150), и лишь 25 комплексов из них отнесены А.-С. Грэслунд к возможным сожжениям в ладье (20, с. 56—58).

«Гибридные» вещи отражают, на наш взгляд, прежде всего культурную метисацию, которая отнюдь не всегда адекватна этнической. «Гибриды» настолько немногочисленны³⁶, что могут, по-видимому, рассматриваться как уникальные вещи, появление которых было вызвано особыми обстоятельствами — например, творческой индивидуальностью ремесленника. Нет никаких свидетельств в пользу того, что «такие гибридные» вещи вряд ли могли приобретаться скандинавами, только что приехавшими с родины» и что, «видимо, их сбыт был рассчитан на людей, плохо помнивших обычаи Скандинавии» (1, с. 78).

По В. Я. Петрухину, процесс этнической метисации в Гнёздове отражает и тот факт, что «основным обрядом во всех курганах становится сгребание кострища к центру» (42, с. 181). Это утверждение не соответствует действительности. Из 206 погребений с остатками трупосожжений на месте, входящих в нашу выборку, обряд сгребания кострища — создание мощной зольной-угольной «подушки» диаметром до 1—1,5 м из остатков прогоревшего погребального костра, в центре которой,

³⁵ В Бирке из 119 погребений в камерах в 55 могилах похоронены мужчины, в 44 — женщины, в 8 случаях — мужчины и женщины, в 2 — дети (20, с. 30). В Гнёздове доля «женских» камер также довольно велика — 12 из 27 комплексов, в которых возможно определение половозрастной принадлежности погребенных.

³⁶ Д. А. Авдусин упоминает меч из кургана Ц-2 и уздечку из случайных находок С. И. Сергеева (1, с. 78); некоторые сведения о других вещах-«гибридах» см. в работе Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко (55, с. 238—239, табл. IV).

как правило, располагался сосуд с кальцинированными костями (урна) — был зафиксирован только в 7 случаях. (Л-1, 3, 4, 44, Поль-3, Дн-15, Ц-82).

Таким образом, исследователи, отстаивающие положение о славянской ассимиляции норманнов в Гнёздове, не привели в общем ни одного археологического доказательства этого предположения. Полагаем, что необходимыми условиями для процесса этнической ассимиляции являются возможность достаточно продолжительных контактов между лицами разных этнических групп и оторванность одной из групп от своей родины. Факт, что скандинавы жили постоянно в Гнёздове, не вызывает сомнений: об этом говорит значительное число женских погребений и погребения взрослых и детей. Свидетельством в пользу данного обстоятельства является и достаточно разнообразный материал, характеризующий скандинавскую культуру эпохи викингов, с гнёздовских поселений, где среди прочих находок норманских древностей, обнаружены обломки глиняных литейных форм для овальных фибул.

Отсутствие, по-видимому, сколько-нибудь значительной концентрации скандинавских погребений во всех группах гнёздовского могильника³⁷ может служить косвенным подтверждением необособленного проживания норманнов в Гнёздове.

Однако нет никаких свидетельств об утрате связей гнёздовских скандинавов с родиной. Наоборот, археологически уловим постоянный приток норманнского элемента по крайней мере в течение второй половины X в., нашедший свое отражение в синхронности типов овальных фибул в Скандинавии и на Руси, сменяемости ранних более поздними типами, отсутствии местных типов. Сложная социальная структура скандинавской «общины» Гнёздова также, по-видимому, могла служить стабилизирующим фактором этнической целостности. Поэтому можно лишь частично согласиться с А. Стальсберг, указавшей, что на Руси «по меньшей мере, после смерти — а, вероятно, и при жизни, скандинавы были растворены в местной среде» (44, с. 76), так как растворение при жизни достаточно спорно.

Следует также отметить, что какая-то часть женских погребений могла быть оставлена и «проходящими» норманнами. Например, по сообщению Ибн-Фадлана, женщины (скандинавки, судя по описанию их одежды) участвовали в торговых экспедициях скандинавов. О плавании женщин вместе с мужьями на торговых кораблях упомянуто и в «Саге о Греттире» (56, с. 26—29).

Известные по письменным источникам факты ославянивания первых представителей династии Рюриковичей и инфильтрации некоторых варягов в состав местной знати лишь одно из проявлений этнического взаимодействия славян и скандинавов в рассматриваемый период. Необходимо помнить, что основные интересы скандинавов на Руси заключались все-таки в добывании богатства, и служба в многочисленных наемных дружинах носила временный характер, сходный с походами

³⁷ Обстоятельное рассмотрение вопроса о топографии скандинавских погребений из-за различной степени изученности курганных групп некрополя пока преждевременно.

викингов в Западной Европе, в которых, судя по сообщениям саг, как правило, участвовала неженатая молодежь. Поэтому неудивительно, что варяжские дружины на Руси составляли особые отряды, не только действовавшие как самостоятельные боевые подразделения в сражениях, но и жившие обособленно в перерывах между походами (57, с. 63—65). Возвратившиеся на родину оставшиеся в живых счастливицы способствовали распространению в Скандинавии воспринятых ими на Руси и на Востоке в целом некоторых элементов материальной и духовной культуры (36; 58, с. 126—131). По-видимому, этническая пестрота дружин киевских князей, выразившаяся в синкретизме «дружинной культуры» (42, с. 179—180; 36, с. 57—59), не может служить веским доказательством ассимиляции норманнов. Более того, этот временный военный контингент, а также скандинавские торговые люди могли быть своего рода питательной средой этнического самосознания для относительно немногочисленных норманнов, осевших на Руси.

В целом, не сомневаясь в правомерности постановки вопроса об ассимиляции норманнов в X в. на славянских территориях Древнерусского государства, и в частности в Гнёздове, следует признать невозможность его положительного решения на археологическом материале по крайней мере Гнёздова. Будет непростительной ошибкой принять в качестве закономерного итога постепенной ассимиляции варяжского элемента факт исчезновения скандинавских древностей в Восточной Европе в начале XI в. Между тем мы имеем дело с искусственно прерванным процессом: резкое уменьшение и практически полное отсутствие вещей скандинавского происхождения и специфических особенностей скандинавского погребального ритуала в конце X—начале XI в., учитывая, что максимум норманских древностей приходится именно на вторую половину X в., объясняется, по-видимому, в первую очередь христианизацией Руси и Скандинавии, кардинально изменившей погребальную обрядность³⁸. Археологическое «исчезновение» скандинавов в немалой степени определяется и тем фактом, что в самой Скандинавии в это время выходят из употребления овалы и другие женские фибулы.

Что касается гнёздовских варягов, то они, вероятно, разделили судьбу поселения, прекратившего в начале XI в. свое существование как раннегородской центр.

Примечания

1. Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1974. № 1.
2. Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
3. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1982. № 1.
4. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.
5. Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнёздова // СА. 1970. № 3.

³⁸ Интересно, что именно в скандинавских погребениях Гнёздова, как, впрочем, и Киева, встречены предметы, связываемые с христианской символикой: крестовидные подвески и восковые свечи (23, с. 193—204; 32, с. 208—212; 59).

6. Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии//Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924.
7. Сплицы А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905.
8. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1899. Д. 106.
9. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1900. Д. 17.
10. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1901. Д. 7.
11. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 32.
12. Указатель памятников Русского Исторического музея. М., 1893.
13. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
14. Сплицы А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ.//ЗОРСА РАО. Т. VIII. Вып. 1. Спб., 1906.
15. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1905. Д. 54.
16. Geijer A. Birka III: Die Textilfunde. Uppsala, 1938.
17. Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.
18. Ginters V. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. Eine vergleichende Studie//Antikvariskt arkiv. N 70. Stockholm, 1981.
19. Hägg J. Die Tracht//Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986.
20. Gräslund A.-S. Birka IV: The Burial customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980.
21. Булкин В. А. «Курган 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
22. Авдусин Д. А. Скандинавские ингумации в Гнёздове//Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Л.; М., 1976.
23. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова//История и культура древнерусского города. М., 1989.
24. Рябикин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.//САИ. Вып. EI-60. Л., 1981.
25. Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
26. Блифельд Д. I. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
27. Антонович В. Б. О типах погребения в курганах Киевской губернии//Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 году. Т. IV. М., 1897.
28. Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908.
29. Смолічев П. I. Могили біля с. Шестовиці на Чернігівщині//Заліски Чернігівського наукового товариства. Т. I: Праці Історико-краєзнавчої секції. Чернігів, 1931.
30. Голубева Л. А. Киевский некрополь//МИА. № 11. М.; Л., 1949.
31. Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв.//СА. 1954. № 20.
32. Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.
33. Agne T. J. Skandinavische Holzkammer-gräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine//Acta Archaeologica. T. II. Bup. 3. København, 1931.
34. Кольчатов В. А. Камеры гробницы Шестовицкого могильника//Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971.
35. Алексеева Т. И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья в отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы//Расо-генетические процессы в этнической истории. М., 1974.
36. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья: (К постановке проблемы)//История СССР. 1984. № 3.
37. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
38. Булкин В. А. Большие курганы Гнёздовского могильника//СС. Вып. XX. Таллин, 1975.
39. Клетнова Е. Н. Раскопки в Гнёздове//Смоленская новь. Вып. 3—4. Смоленск, 1923.
40. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

41. Пушкина Т. А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси//Вести. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1972. № 1.
42. Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX—XI вв.)//Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983.
43. Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982.
44. Стальсберг А. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси//Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. Секция V. М., 1987.
45. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
46. Агбтан Н. Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm, 1943.
47. Исладские саги. М., 1956.
48. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г.//МИСО. Вып. I. Смоленск, 1952.
49. Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова//Вести. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1975. № 2.
50. Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения//КСИА, Вып. 160. М., 1980.
51. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства: (Древняя Русь и Скандинавия)//История СССР: 1986 № 5.
52. Лебедев Г. С. Камерные могилы Бирки//Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971.
53. Лебедев Г. С. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке//СС. Вып. XXII. Таллинн, 1977.
54. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
55. Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения//Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970.
56. Сага о Греттире. Новосибирск, 1976.
57. Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в.//СС. Вып. XIX. Таллинн, 1974.
58. Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов//Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. Секция V. М., 1987.
59. Недошивина Н. Г. Крестовидные подвески из листового серебра//СА. 1983. № 4.
60. Avdussin D. A. Gnezdovo — der Nachbar von Smolensk//Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1977. N 11.

**ОПИСАНИЕ ИССЛЕДУЕМОЙ ВЫБОРКИ
КУРГАНОВ
(погребальных комплексов Гнёздовского
некрополя)**

I. Центральная группа¹

A. Комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки С. И. Сергеева²: 1898-II, IV-VIII, X; 1899-I, 2, 4, 5, 8, 10-12, 15, 17, 31-33, 35-42, 45, 46; 1900-3, 7, 16; 1901-5.

Раскопки Н. В. Андреева и Н. П. Милонова: 1940-5, 6.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-1, 2/1, 2/II, 3, 4, 8, 21, 27, 31, 40, 50, 51, 53, 55, 56/1, 56/II, 58, 67, 82, 85, 91, 95, 99, 100, 105, 106, 108-110, 113, 117, 132, 138, 148, 150/II, 153, 165, 169, 189, 208, 221, 226, 235, 236, 245, 253, 254, 259, 269, 279, 285, 287, 307, 311, 312/1, 316, 327/II.

B. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки В. И. Сизова: 1885-20³.

Раскопки С. И. Сергеева: 1898-I, III; 1899-22, 23, 26, 29, 30.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-5, 16, 17, 19, 20, 24-26, 28, 49, 80, 97, 87, 104, 129, 133, 137, 146, 149, 151, 152, 156, 162-164, 166, 167, 170, 172, 173, 175, 181, 184, 185, 194, 196, 204, 206, 209, 215, 218, 220, 231, 233, 234, 243, 244, 246, 247, 248, 250-252, 257, 260, 261, 263, 264-266, 268, 271-274, 277, 282, 283/1, 284, 286/1, 294/1, 296, 297, 298, 302-304, 309, 310, 312/II, 313, 317-319, 321-323, 327/1, 333.

B. Комплексы с остатками трупоположения

Раскопки С. И. Сергеева: 1900-18.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-14, 61, 63, 66, 71, 72, 84, 86, 88, 94, 140, 144, 157, 171, 178, 191, 197, 198, 201, 212, 222, 240, 241/1, 241/II, 249, 255, 258, 262, 275, 276, 280, 281, 288-290, 292, 295, 299, 301, 306, 314/1, 314/II, 315, 325; Ц-142 — погребение коня в могильной яме.

Г. Поврежденные комплексы с остатками трупоположения

Случайно найденные комплексы вещей из курганов с трупоположениями, собранные С. И. Сергеевым: комплекс X-1898 (8, л. 19, 34 № 193-196; 21, с. 140), комплекс 14/VII-1899 (8, л. 9, 19, 34-35 № 197-233; 21, с. 140, 141), комплекс 24/VIII-1899 (8, л. 19, 35 № 235-241, л. 39 № 10; 9, л. 3; 21, с. 140), комплекс 18/IX-1899 (8, л. 19, 35 № 242-245; 21, с. 140), комплекс 28/IV-1900 (8, л. 39 № 1-9; 21, с. 140), комплекс 12/VI-1900 (8, л. 39 № 22, 23; 21, с. 140), комплекс 1/IX-1900а (8, л. 39 № 15-18; 21, с. 141), комплекс 1/IX-1900б (8, л. 39 № 29, 30; 21, с. 141), комплекс 1900-7а (8, л. 39, № 19-21). Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-256.

Д. Курганы с возможными трупоположениями

Раскопки С. И. Сергеева: 1900-17.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-6, 12, 22, 59, 64, 65, 76, 77, 98, 101, 116, 118, 119, 121-123, 125-128, 135, 139, 145, 160, 177, 203, 210, 217, 227, 228, 267, 270, 283/II, 286/II, 294/II, 305, 308, 328.

E. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы

Раскопки С. И. Сергеева: 1899-9, 14, 18, 19, 20, 24, 27, 28; 1900-8, 13, 14.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-7, 9-11, 13, 15, 18, 23, 29, 30, 32, 34-39, 41-43, 45-48, 78, 79, 92, 111, 112, 114, 120, 124, 130, 131, 134, 136, 141,

¹ О топографии Гнёздовского некрополя см. работы А. Н. Лявданского (6) и Д. А. Авдусина (60; 3).

² Нумерация курганов дана по дневниковым записям С. И. Сергеева.

³ Комплекс отнесен к поврежденным курганам с остатками кремации потому, что методика полевых работ В. И. Сизова заведомо обрекала погребальные комплексы на «поврежденность».

143, 147, 150/1, 154, 155, 158, 159, 161, 174, 176, 180, 183, 186, 187, 192, 193, 195, 199, 202, 205, 207, 213, 214, 223—225, 229, 230, 232, 238, 239, 242, 278, 291, 293, 300, 320, 324, 326, 329—332.

Ж. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)⁴

Раскопки С. И. Сергеева: 1898-IX, XI; 1899-3, 6, 7, 13, 16, 21, 25, 34, 43, 44, 47, 48; 1900-1, 2, 4—6, 9—12, 15, 19, 20; 1901-1—4.

Раскопки Н. В. Андреева и Н. П. Милонова: 1940-1—3.

Раскопки Д. А. Авдусина: Ц-52, 54, 57, 60, 62, 68—70, 73—75, 83, 89, 90, 93, 96, 107, 168, 182, 190, 211, 216, 219, 237, 334.

II. Лесная группа

А. Комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки С. И. Сергеева: 1900-22.

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-1-6, 7/1, 8, 11—14, 16—18, 20—25, 26/1, 27, 29, 33—35, 38, 41, 43/1, 44, 46/1, 47, 49, 52, 54/1, 55, 61, 62, 68, 69, 71, 73, 77, 79—81, 85, 86, 89—91, 96, 98, 100, 103, 106⁵, 110, 113/1, 119, 120, 125, 126, 132, 135, 136, 138, 142, 146, 150/1, 153, 154, 159, 160.

Б. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-50, 51, 57, 58, 109, 112, 114, 116, 122, 127, 130, 131, 149, 152, 155, 156, 158, 161.

В. Комплексы с остатками трупоположения

Раскопки С. И. Сергеева: 1900-23.

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-65, 66, 95, 105⁶, 121, 123, 124/1, 124/II, 129, 137, 139, 141, 144, 145, 148, 151.

Г. Курганы с возможными трупоположениями

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-7/II, 10, 26/II(?), 37, 43/II, 45, 46/II, 48, 53, 54/II, 56, 59, 60, 64, 67, 70, 76, 82, 102, 108, 111, 113/1, 115, 143, 150/II.

Д. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-107⁷, 128, 133.

Е. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)

Раскопки Д. А. Авдусина: Л-9, 15, 19, 28, 30, 31, 32, 36, 39, 40, 42, 63, 72, 74, 75, 78, 83, 84, 88, 92—94, 97, 99, 101, 104, 117, 118, 140, 157.

III. Ольшанская и Днепровская группы

А. Комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки С. И. Сергеева: Серг.-5, 6, 9, 14, 17, 28, 18, 27, 33, 44, 45.

Раскопки И. С. Абрамова: Оль-1/24⁸.

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-3, 11, 29; Дн-5, 11, 15, 22, 32, 33.

Б. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения⁹

Раскопки С. И. Сергеева: Серг.-8.

Раскопки И. С. Абрамова: Абр.-23.

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-14, 15, 27; Дн-2, 6—10, 14, 16, 18, 19, 23, 26, 27, 29, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 45.

В. Комплексы с остатками трупоположения

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-8, 23, 30; Дн-1, 3, 4, 12, 13, 17, 21, 24, 28, 30, 31, 35, 40, 44.

Г. Курганы с возможными трупоположениями

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-12, 13, 28.

Д. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-16—18, 21, 24, 25; Дн-20, 25.

⁴ Еще 7 насыпей (Ц-33, 44, 81, 115, 179, 188, 200) имели, вероятно, естественное происхождение; «раскопка» кургана 1900-21 была начата 30 сентября, однако «работе 1 октября в Покров не пришли и курган остался незаконченным» (9, л. 47).

⁵ Курган раскопан Е. А. Шмидтом.

⁶ Курган раскопан Е. А. Шмидтом.

⁷ Курган раскопан Е. А. Шмидтом.

⁸ Курган окончательно исследован Д. А. Авдусиным.

⁹ Курган Дн-38 из раскопок Т. А. Пушкиной был, видимо, прежде раскопан С. И. Сергеевым (Серг.-33?).

Е. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)¹⁰

Раскопки С. И. Сергеева: Серг.-1, 11, 13, 16.

Раскопки Д. А. Авдусина: Оль-4—7, 9, 10, 19, 20, 22, 26.

IV. Заольшанская (Правобережная Ольшанская) группа

А. Комплексы с остатками трупосожжения (раскопки Е. В. Каменецкой):
Поль-2, 3, 6, 8—10, 12, 13, 15—19, 21, 23, 24, 25/1, 26, 29, 34, 41, 43—45,
47, 48, 54, 55, 57, 59, 60, 65—67, 71—73, 78, 80, 86.

Б. Поврежденные комплексы с остатками трупосожжения

Раскопки Е. Н. Клетновой: Клет-1—4.

Раскопки Е. В. Каменецкой: Поль-63, 85.

В. Комплексы с остатками труположения (раскопки Е. В. Каменецкой):

Поль-1, 4, 5, 7, 11, 14, 20, 22, 25/II, 27, 30, 31, 36—38, 40, 42, 46, 49/I, 49/II,
50—53, 56, 58, 61, 62, 64, 68, 69, 74, 76, 79, 82, 83.

Г. Курган с возможным труположением (раскопки Е. В. Каменецкой):
Поль-75

Д. Поврежденные комплексы, остатки погребения не зафиксированы (раскопки
Е. В. Каменецкой): Поль-81, 84, 87

Е. «Пустые» курганы (повреждений нет, остатки погребения не зафиксированы)
(раскопки Е. В. Каменецкой): Поль-28, 32, 33, 35, 39, 70, 77.

V. Курганы из других групп

Левый берег Днепра (раскопки Т. А. Пушкиной) Лб-1 — поврежденный комплекс с остатками трупосожжения.

«1-я Днепровская группа» (раскопки Д. А. Авдусина) (3, с. 71): Ц-103 — остатки кремации; Л-87 и Ц-102 — «пустые» курганы.

¹⁰ Две насыпи (Оль-2, Дн-34) приняты за курганы ошибочно.